

ПСИХОТЕРАПИЯ И ПСИХОКОРРЕКЦИЯ
PSYCHOTHERAPY AND PSYCHOCORRECTION

**Адаптация исследовательского инструментария
к новым культурным контекстам
(на примере исследования коллективных эмоций
вины и стыда в России)**

Л.К. Григорян*,

Бременская международная школа социальных наук, Бремен, Германия,
grigoryan@bigsss-bremen.de

А.А. Хапцова**,

Бременская международная школа социальных наук, Бремен, Германия,
khaptsova@bigsss.uni-bremen.de

О.В. Полуэктова***,

Бременская международная школа социальных наук, Бремен, Германия,
opoluektova@bigsss-bremen.de

В статье представлены результаты качественного исследования, целью которого является анализ трудностей, с которыми могут столкнуться исследователи при переносе психологических конструктов и измерений из одного культурного контекста в другой. Анализ проведен на основе обратной связи, полученной в ходе исследования коллективных эмоций вины и стыда в России. Одной из задач статьи является привлечение внимания исследователей к важности тщательной и всесторонней адаптации конструктов и инструментов к новым культурным контекстам. В статье представлено краткое описание нашего исследования и проблем, возникших в ходе его проведения. Проанализированы результаты восьми глубинных интервью, проведенных по следам исследования, а также публичные комментарии пользователей сети Facebook (N = 98), оставленные респондентами после заполнения опросника. В качестве выводов мы предлагаем своеобразный «лист самоконтроля» для исследователей, которые проводят кросс-

Для цитаты:

Григорян Л.К., Хапцова А.А., Полуэктова О.В. Адаптация исследовательского инструментария к новым культурным контекстам (на примере исследования коллективных эмоций вины и стыда в России) // Культурно-историческая психология. 2018. Т. 14. № 1. С. 98–106. doi: 10.17759/chp.2018140111

For citation:

Grigoryan L.K., Khaptsova A.A., Poluektova O.V. The Challenges of Adapting a Questionnaire to a New Cultural Context: The Case of Studying Group-Based Guilt and Shame in Russia. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-historical psychology*, 2018. Vol. 14, no. 1, pp. 98–106. (In Russ., abstr. in Engl.). doi: 10.17759/chp.2018140111

* *Григорян Лусине Корюновна*, аспирант, Бременская международная школа социальных наук, Университет Якобса, Бремен, Германия. E-mail: *grigoryan@bigsss-bremen.de*

** *Хапцова Алена Александровна*, аспирант, Бременская международная школа социальных наук, Университет Якобса, Бремен, Германия. E-mail: *khaptsova@bigsss.uni-bremen.de*

*** *Полуэктова Ольга Владимировна*, аспирант, Бременская международная школа социальных наук, Университет Якобса, Бремен, Германия. E-mail: *opoluektova@bigsss-bremen.de*

Grigoryan Lusine Koryunovna, PhD Student, Bremen International Graduate School of Social Sciences, Jacobs University Bremen, Germany. E-mail: *grigoryan@bigsss-bremen.de*

Khaptsova Alyona Aleksandrovna, PhD Student, Bremen International Graduate School of Social Sciences, Jacobs University Bremen, Germany. E-mail: *khaptsova@bigsss.uni-bremen.de*

Poluektova Olga Vladimirovna, PhD Student, Bremen International Graduate School of Social Sciences, Jacobs University Bremen, Germany. E-mail: *opoluektova@bigsss-bremen.de*

культурные исследования или впервые изучают какой-либо психологический конструкт в новой культурной среде.

Ключевые слова: методология психологии, адаптация опросников, культурная сензитивность, коллективные эмоции, вина, стыд.

The Challenges of Adapting a Questionnaire to a New Cultural Context: The Case of Studying Group-Based Guilt and Shame in Russia

L.K. Grigoryan,

Bremen International Graduate School of Social Sciences, Bremen, Germany,
grigoryan@bigsss-bremen.de

A.A. Khaptsova,

Bremen International Graduate School of Social Sciences, Bremen, Germany,
khaptsova@bigsss.uni-bremen.de

O.V. Poluektova,

Bremen International Graduate School of Social Sciences, Bremen, Germany,
opoluektova@bigsss-bremen.de

With the majority of social-psychological research still being conducted in Western countries, researchers from non-Western countries often adopt existing theories, constructs, and instruments that are not necessarily applicable to the contexts they are interested in. This paper discusses problems that might arise when transferring psychological constructs and instruments from one cultural setting to another. We use the case of a study of group-based guilt and shame in Russia that was carried out by the research team. First, we briefly discuss the original study and the problems we encountered while conducting it. We then analyze the results of eight in-depth semi-structured interviews that followed up the original study. Finally, we conduct a thematic analysis of Facebook commentaries (N=98) that participants left after filling out the original questionnaire. Based on these analyses, we suggest a checklist for researchers who plan to study a psychological construct that wasn't studied in a given cultural context before. With this paper, we hope to highlight the importance of thorough and comprehensive adaptation of psychological constructs and instruments to new cultural settings.

Keywords: methodology of psychology, questionnaire adaptation, cultural sensitivity, group-based emotions, guilt, shame.

Начиная с публикации С. Стила о «белой вине» (White Guilt) американцев в 1990 г. [15], исследования коллективных эмоций вины (group-based guilt) стали новым направлением в изучении межгрупповых отношений. Под «белой виной» подразумевались те чувства, которые белые американцы испытывают относительно дискриминации черного населения США в прошлом. С. Стил писал о том, что американское общество продолжает бороться с расовым неравенством в США, так как испытывает групповую ответственность за годы рабства и дискриминации черного населения страны.

Вслед за исследованиями коллективной вины, в конце 1990-х — начале 2000-х гг. стали появляться исследования коллективного стыда [9; 4]. Важная позитивная роль коллективных эмоций вины и стыда в межгрупповых отношениях была показана не только в случае с белым и черным населением США, но и на примере дискриминации австралий-

ских аборигенов [13], жестокого обращения британцев с населением Кении во время деколонизации [4], вторжения британских войск в Ирак [5], Холокоста [14], колонизации Индонезии Нидерландами [8] и т. п.

Так как вопрос межэтнических отношений не теряет своей актуальности в России, наш исследовательский коллектив предпринял попытку изучения взаимосвязи коллективных эмоций вины и стыда с установками по отношению к аутгруппам в российский контексте. Подобное исследование в России проводилось впервые, поэтому мы столкнулись с необходимостью адаптировать имеющийся англоязычный инструментарий. После тщательной работы над дизайном исследования и проведения предварительных тестирований инструментов мы начали сбор данных. Однако вскоре после того, как ссылка на опрос появилась онлайн, мы начали получать обратную связь от респондентов, выражаю-

щих крайнюю степень возмущения и недовольства опросником. Данная статья представляет результаты исследования, проведенного с целью выявить как методологические проблемы оригинального исследования, так и контекстуальные особенности, которые повлекли за собой трудности в проведении исследования.

Исследования коллективных эмоций вины и стыда за рубежом

Коллективные эмоции — это эмоции, испытываемые индивидом в связи с поступками, совершенными не им самим, а другими людьми, с которыми он связан единой групповой идентичностью [8; 1]. В нашем изначальном исследовании мы остановились на изучении коллективных эмоций вины, морального стыда и имиджевого стыда и их роли в установках к различным аутгруппам.

Коллективная вина — это чувство, возникающее у индивида вследствие нарушения членами ингруппы принятых в группе моральных и нравственных норм [12]. Чувство морального стыда возникает в случае нарушения членами ингруппы значимых для человека моральных ценностей, которое сказывается на позитивности групповой идентичности. Чувство имиджевого стыда возникает в том случае, если поведение ингруппы негативно сказывается на репутации группы в глазах других [4].

В ряде исследований, большая часть которых проводилась на выборках западных стран, показано, что такие эмоции положительно связаны с просоциальным поведением и установками: люди, испытывающие вину за дискриминацию ингруппой других групп, больше готовы компенсировать причиненный этим группам вред, а люди, испытывающие моральный стыд, более позитивно к ним относятся [например: 8; 7].

Подготовка исследования коллективных эмоций в России

В оригинальном исследовании [2] мы ставили перед собой цель рассмотреть роль коллективных эмоций вины и стыда в установках к различным аутгруппам на российской выборке. В виду того, что подобные исследования в России ранее не проводились, нам предстояло провести адаптацию как самих конструктов, так и исследовательского инструментария.

Выбор аутгруппы для изучения данных психологических конструктов был непростой задачей, так как в истории России присутствуют случаи дискриминации по самым разным основаниям. После серии претестов было принято решение выбрать случай депортации народов Кавказа в годы Великой Отечественной Войны, так как это событие вызывало больше эмоций у респондентов, чем другие (в ходе претеста 6 из 9 респондентов ответили, что испытывают

или частично испытывают вину или стыд в связи с этими событиями).

Второе важное решение, которое мы должны были принять — это выбор ингруппы, к которой мы будем отсылать респондентов в опроснике. Этот вопрос был не менее проблематичным, так как описываемые события происходили в СССР — стране, которой уже не существует. Было решено остановиться на «русских» как ингруппе, так как эта идентичность позволяла сохранить историческую континуальность: «русские» как социальная группа стабильна во времени и проходит через обе временные точки, которые нас интересовали, и как в СССР, так и в современной России представляет группу большинства [2].

Шкалы для измерения коллективных эмоций были адаптированы методом экспертного консенсуса (committee approach) [16] из исследования Й. Реес [14]. Подробнее дизайн исследования и полученные результаты описаны в статье Л.К. Григорян и М.В. Ефремовой [2], а в данной статье мы сосредоточимся на анализе обратной связи, полученной в ходе проведения исследования.

Реакция на опросник и настоящее исследование

Оригинальное исследование проводилось на онлайн платформе Qualtrics, и ссылка на опросник распространялась через социальную сеть Facebook. Первая публикация опросника была сделана одним из авторов проекта (Григорян Л.К.) на своей персональной странице, а затем данная публикация была перепубликована шестнадцатью другими пользователями сети Facebook. К нескольким из этих публикаций респонденты оставляли комментарии, которые свидетельствовали о том, что опросник вызвал много эмоций и сомнений. Вопросы и претензии были как к теме исследования и используемой методологии, так и к выбранному историческому событию и использованию группы «русские» в качестве ингруппы, когда речь идет о сталинских репрессиях.

Такая реакция заставила нас задаться вопросом, какие именно методологические недостатки исследования остались без должного внимания в процессе подготовки. По следам первого исследования было принято решение о проведении нового уточняющего исследования, направленного на то, чтобы понять, насколько изучение коллективных эмоций вообще и эмоций вины и стыда, в частности, релевантны для российского контекста. Данное исследование было реализовано методом полуструктурированных глубинных интервью, с помощью анализа публичных комментариев, оставленных респондентами под объявлением о проведении исследования в Facebook.

Мы надеемся, что такая рефлексия поможет другим исследователям, занимающимся кросс-культурными исследованиями и сталкивающимся с необходимостью адаптации психологических кон-

структов, ранее не изученных в определенной культурной среде. В обсуждении результатов мы предлагаем ряд необходимых шагов, которые должны быть предприняты при изучении сензитивных тем, таких как межэтнические отношения.

Методы

Исследование состояло из двух этапов. На первом этапе были проведены глубинные интервью. Целями данного этапа являлись: 1) определение релевантности изучения выбранных конструктов (коллективных эмоций вины и стыда) в российском контексте; 2) оценка преемственности идентичности и восприятия коллективной ответственности русскими. На втором этапе были проанализированы комментарии, оставленные под объявлением о наборе респондентов со ссылкой на онлайн опросник в социальной сети Facebook. Целью данного этапа являлся анализ методологических проблем исследования.

Глубинные интервью.

Для реализации первого этапа исследования мы использовали метод глубинного полуструктурированного интервью [11]. Нами был сформирован интервью-гайд (руководство по проведению интервью), включающий в себя четыре основных блока вопросов. Первый блок вопросов был направлен на понимание релевантности использования такого психологического конструкта, как коллективные эмоции вины или стыда в российском контексте (пример вопроса: «Как вам кажется, нужно ли стыдиться или испытывать чувство вины за какие-либо события, которые происходили или происходят в нашей стране?»). Второй блок вопросов был посвящен оценке исторической преемственности, пониманию того, воспринимается ли история СССР россиянами как своя история (пример вопроса: «Как вы считаете, история СССР — это история России?» «А вы можете сказать, что история СССР — это Ваша история?»). Третий блок вопросов был сформирован с целью конкретизации второго блока и направлен на выделение исторических событий, вызывающих коллективные эмоции вины или стыда в российском контексте (пример вопроса: «Есть ли какие-либо события в истории России, которые вызывают у вас чувства вины или стыда за свою страну или своих соотечественников?»). Наконец, четвертый блок вопросов был посвящен оценке ощущения гражданской сопричастности и ответственности за события в стране в настоящее время и в контексте истории СССР (пример вопроса: «Как Вам кажется, народ в целом несет ответственность за решения и поступки руководства страны?»). Помимо основного блока вопросов, гайд включал стандартный социально-демографический блок (вопросы о возрасте, образовании, занятости, профессии и этнической принадлежности).

Всего было проведено 8 интервью [6]. В выборку вошли четыре женщины и четверо мужчин; семь

респондентов с высшим образованием; четыре респондента, социализированных в советский период (с годом рождения 1966 и ранее), и четыре респондента, социализированных в постсоветский период (с годом рождения 1984 и позднее). Семь интервью были проведены лично, одно — в режиме онлайн (Skype).

Анализ комментариев в Facebook.

Всего в социальной сети Facebook было оставлено 111 комментариев. 13 из них принадлежали автору исследования и были исключены из дальнейшего анализа. Таким образом, итоговое количество комментариев составило 98. Все указания на личности авторов комментариев были удалены с целью исключить субъективное отношение кодировщика. Длина комментариев варьировалась от 2 до 336 слов (медиана = 22 слова). Анализ комментариев был проведен методом тематического контент-анализа, единицей анализа являлся комментарий. Анализ комментариев выявил четыре темы. Все темы и подтемы успешно прошли этап валидации.

Результаты

Анализ глубинных интервью.

В данном разделе представлены результаты интервью по четырем основным блокам вопросов.

Первый блок интервью. Релевантность конструктов.

Все интервьюируемые согласились с тем, что людям свойственно испытывать коллективные эмоции в связи с событиями прошлого или настоящего, в которых они сами не принимали непосредственного участия. При этом респондентами спонтанно были названы эмоции гордости и радости за свою страну («...Гордость есть за страну, за достижения; радость и сопричастность по поводу победы в ВОВ», женщина, 52 года) и эмоция стыда («...Если кто-то из соотечественников сделал что-то нехорошее, о нем скажут, что все русские такие — мне стыдно», женщина, 24 года). Все интервьюируемые согласились и с тем, что можно в разных ситуациях испытывать и гордость, и стыд за свою страну и своих соотечественников, но при этом только трое респондентов признали необходимость переживания подобных эмоций, остальные высказались против или затруднились ответить на данный вопрос. Тем не менее, большинство интервьюируемых согласились с тем, что негативные эмоции (например, стыд или вина) могут выполнять позитивную функцию («Эти эмоции могут привести к чему-то хорошему, сделать человека лучше», женщина, 24 года).

Второй блок интервью. Культурно-историческая преемственность.

Большинство респондентов (и представители старшего поколения, и более молодые респонденты) согласились с тем, что история СССР и история Рос-

сии связаны. При этом респонденты отмечали, что понятия СССР и Россия не эквивалентны: история СССР — это больше, чем только Россия («Это еще и история тех народов, которые входили в СССР», женщина, 52 года), — и, хотя эти периоды неразрывно связаны, в то же время они сильно отличаются друг от друга («Но контраст между этими периодами сильный», мужчина, 53 года). Все интервьюируемые старшей возрастной категории считают историю СССР своей историей («Большой кусок [моей] жизни в союзе. Помню имена членов Политбюро», женщина 52 года). Что касается респондентов младшей возрастной категории, двое частично разделяют данную точку зрения («Это история моей страны, семьи, государства, но я родилась позже», женщина, 24 года), отмечая преемственность ценностей и социальных норм («Разделяю ценности и коллективизм», женщина, 24 года). Двое представителей младшего поколения не идентифицируют себя с историей СССР («Скорее нет. Не касается меня история СССР», мужчина, 26 лет).

Третий блок интервью. Конкретные события, вызывающие эмоции вины и стыда.

Ответы респондентов на вопрос о конкретных исторических событиях, которые вызывают у них чувства вины или стыда, могут быть классифицированы в пять категорий. Первая категория касается внутренней политики страны в советский период и включает в себя такие события и явления, как уничтожение царской династии, ГУЛАГ, сталинизм, судьбы диссидентов, репрессии, принудительное переселение народов, в том числе народов Северного Кавказа, поволжских немцев («Их много в истории страны. Наиболее яркие — переселение народов Кавказа, поволжских немцев...», женщина, 58 лет). Вторая категория касается внутренней политики в постсоветский период и включает в себя распад СССР, путч, Ельцинский период, 90-е годы, дефицит, очереди, низкие заработные платы («Сам распад — негатив... Путч... — не нужно, ошибка», мужчина, 53 года). Третья категория описывает события и явления, имеющие отношение к внешней политике советского периода: ввод войск в Чехословакию, Афганистан, контроль над социалистическим лагерем, железный занавес («Наш 68-й год, вторжение в страны», женщина, 53 года). Четвертая категория описывает события и явления, имеющие отношение к политике в постсоветский период: Югославия, внешняя политика в угоду США («Конституция Ельцинская торМОЗИТ всю страну...», женщина, 58 лет). И, наконец, пятая категория касается поведения людей в целом, общего уровня культуры («Стыдно за страну. Ругань, споры, неприлично себя ведут в общественных местах», женщина, 24 года). Важно отметить, что большинство респондентов отмечали, что испытывают не вину, а стыд по отношению к перечисленным собы-

тиям. Более того, одна из интервьюируемых подчеркнула, что, по ее мнению, когда речь идет о коллективных эмоциях, понятие вины неприменимо («Не может быть вины у целого народа», женщина, 58 лет).

Четвертый блок интервью. Чувство сопричастности и ответственность.

Большинство интервьюируемых отмечали, что испытывают стыд за руководство страны, правительство («Стыд за руководство и их действия», женщина, 53 года). Несмотря на то, что в целом респонденты были склонны возлагать ответственность на тех, кто принимает решения («Стыд за руководство, власть, тех, кто принимал решения», женщина, 58 лет), одна из интервьюируемых отметила, что ее чувства не направлены на конкретных людей/группы людей, а носят своего рода «общечеловеческий характер» («... Один человек ничего не решает», женщина, 24 года).

Тематический анализ комментариев в Facebook¹.

По результатам анализа были выделены четыре основные темы. *Первая, наиболее детализированная тема*, раскрывала методологические недостатки исследования. В ней затрагивалось четыре подтемы. Первая из них раскрывала проблемы адаптации международных стандартизированных опросников к специфическим культурным контекстам. В частности, респонденты отмечали, что перевод таких опросников с английского (или другого языка) на русский должен быть предельно осторожным, чтобы адекватно отражать контекст (пример комментария: «Вот это сразу и чувствуется, что опросник переводной²»).

Помимо проблем перевода, респонденты также выражали сомнение в корректности применения самих психологических конструкторов в определенных культурных контекстах. Так, один из респондентов указал на то, что переживание коллективной вины может не являться универсальным конструктором («Поясните [обращение к другому респонденту], во всех странах констатация факта национальной вины в опросниках имеет смысл? А что с национальной виной болгарского или датского народа? Им что вменяют в подобных опросниках?»).

Далее респонденты указывали на проблематичность определения адекватной интруппы с помощью терминов «русские» или «россияне». Они отмечали, что не могут быть полностью уверены в том, что являются русскими, хотя и являются россиянами («Так [изучается] отношение «россиян» или «всех, кто считает себя русским»? Потому что вот россиянкай я себя считаю, а русской — нет») Более того, отмечалось, что термин «русские» не применим в контексте событий, происходивших в СССР («Я не понимаю, при чем здесь вообще русские, если политику депортации проводил СССР, который соединял в себе разные народы»).

¹ В связи с ограничениями по объему рукописи в статье не представлена таблица результатов тематического анализа. Таблица может быть получена по запросу от любого из авторов статьи.

² Во всех комментариях сохранены авторская орфография и пунктуация.

Следующий блок подтем включал в себя перечень недостатков инструментария опросника. В частности отмечалось, что инструкция к опроснику вводит в заблуждение («Во введении говорится, что изучается отношение россиян, а в вопросах используется слово “русский”. Возникает “затык”...»). Затрудняющими ответ респонденты находили и формулировки вопросов опросника («Те вопросы где про стыдно—нестыдно напоминают мне по логике и структуре вопрос перестали ли вы пить коньяк по утрам»). И наконец, респонденты отмечали, что опросник не предоставляет возможности выразить свое мнение («Я не нашла в опроснике места для моей скорби, которую я испытываю по отношению к событиям того времени»).

Некоторые респонденты отмечали эффект влияния исследователя, ссылаясь на формулировки вопросов опросника. В то же время, другие респонденты не считали формулировки проблематичными. Например, между двумя респондентами завязался такой диалог:

Респондент X: «Опрос построен так, что признание вины русских — его необходимое условие. Если ты считаешь как-то иначе, вариантов ответа просто нет».

Респондент Y: «Ну как же нет? Отмечай «абсолютно не согласен». Разве это не отрицание? Я, например, именно поэтому и ввязалась. Дабы ответить, что я почти по всем пунктам абсолютно не согласна».

Вторая тема отображала реакцию респондентов на тему исследования «Межэтнические отношения во времена депортации народов Кавказа». Упоминание исследователями о депортации народов Кавказа во времена СССР вызывала у части респондентов два типа реакций: сомнение в том, что события действительно происходили, и отрицание участия русских в этих событиях или ответственности за них. Респонденты выражали сомнение в фактической точности либо через прямое отрицание («Если я отрицаю факт, а не свои эмоции по этому поводу?»), либо путем указания на недостаточность доказательств того, что события происходили («Историческое событие холокост общепризнано. Факт геноцида евреев подтвержден международным судом. О каком общепризнанном историческом действии идет речь в опросе?»).

Другим типом реакции на тему исследования была попытка указать на то, что русские либо не принимали участие в депортации народов Кавказа («Кто те русские, которые депортировали? Неужто джугашвили и берия?»), либо респонденты указывали на недостаточность доказательств того, что русские были вовлечены в те события. Один из респондентов процитировал статью из Википедии³ с указанием на то, что там ничего не говорится о национальности людей, организовывавших и осуществлявших депортации.

Третья тема касалась целей исследования и профессиональных качеств его автора. В комментариях, составляющих эту тему, респонденты выражали сомнение в научности целей исследования, указывали на политизированность проблемы этнических отно-

шений в России и в СССР. Примером выражения подобных размышлений может стать комментарий: «По мне такой опрос разжигает межнациональную рознь...». Некоторые респонденты указывали на некомпетентность исследователей или учреждения, которое они представляют. В наиболее мягком варианте сомнения в компетентности авторов выражались с помощью таких высказываний, как: «Они [исследователи] очень молодые, им еще учиться и учиться. Вряд ли они специально что-то передергивают, скорее от неопытности».

Четвертая тема раскрывала реакции респондентов на более ранние комментарии. Между респондентами, поддерживающими и критикующими исследование, завязывались дискуссии. Некоторые респонденты, читая уже опубликованные критические комментарии, пытались защитить или оправдать исследователей («Это переведенный на русский язык стандартизованный всемирный опросник. Во всех странах смысл есть, в России смысл улетучивается»). Они отмечали, что отрицание причастности русских к депортации народов Кавказа является проявлением национализма («Мне всегда казалось, что я знаю, частью определения какой идеологии является дискриминация и нетерпимость в отношении «чужих» по национальному признаку. На фоне этого ужаса научнообразные рассуждения твоих [одного из исследователей] оппонентов кажутся мне бесстыдством»). В свою очередь, «критики» исследования указывали на то, что люди, защищающие исследование, не видят в критике проявлений любви к своему народу («Еще меня просто поражает когда тех, кто выступает в поддержку русского народа, огульно обвиняют в фашизме. Давайте отделять фашизм от права любить и поддерживать свой народ. Не нужно производить подмену понятий»).

Обсуждение результатов

Настоящее исследование представляет собой качественный анализ реакции респондентов на опрос, проводившийся нашим исследовательским коллективом с целью выявить причины затруднений в его проведении, анализе и интерпретации результатов. Проведенный качественный анализ указал на потенциальные проблемы, связанные с адаптацией конструкторов коллективных эмоций вины и стыда к российскому контексту. Анализ глубинных интервью и публичных комментариев респондентов на Facebook выявил следующие проблемные области изначального исследования.

Выбор ин группы и исторического события.

Проведенный анализ комментариев позволяет сделать вывод о том, что проблема соотношения этнической («русские») и национальной («россияне», «советские граждане») идентичностей — одна из центральных проблем, затронутых нашим первоначальным исследованием.

³ https://ru.wikipedia.org/wiki/Депортация_чеченцев_и_ингушей (дата обращения: 27.01.2016).

Результаты глубинных интервью показали, что интервьюируемые (причем как люди старшего возраста, так и более молодые респонденты) признают, что в истории страны (будь то Россия или СССР) имели место события, вызывающие коллективные эмоции, в том числе коллективный стыд. Более того, всеми респондентами было названо несколько событий (в том числе и переселение народов Кавказа), вызывающих подобные эмоции. Таким образом, респонденты не отрицали сам факт того, что в стране, с которой практически каждый из них себя идентифицирует, происходило (или происходит) что-то, чего можно стыдиться. Тем не менее, респонденты не были готовы взять ответственность за «стыдные» события на себя или свою индигруппу, акцентируя внимание на том, что ответственность, в первую очередь, лежит на людях, вовлеченных в процесс принятия решений на уровне государства. На наш взгляд, использование более нейтральных категорий, таких, например, как «граждане нашей страны», было бы более релевантным в данном контексте.

Прежде чем переходить к выводам о методологических проблемах проведенного исследования, мы хотели бы остановиться на нескольких психологических механизмах, которые могли сыграть определенную роль в той реакции на исследование, которую мы наблюдали.

П. Зиликс и Л. Полежак [18] в 2005 г. попытались провести подобное исследование коллективной вины в связи с историей антисемитизма в Польше и столкнулись с похожими проблемами. По результатам исследования авторы выделили три причины, объясняющие, почему человек стремится отрицать возникающее чувство коллективной вины. В первую очередь, авторы говорят о том, что отрицание коллективной вины свойственно группам, которые чувствуют себя жертвой, а не агрессором. Вторая причина, на которую указывают авторы, — это страх перед последствиями, так как признание вины может повлечь за собой определенные последствия в виде компенсации или как минимум негативного образа собственной индигруппы. Наконец, третьей причиной авторы называют превалирующее чувство коллективной гордости, которое может препятствовать переживанию негативных коллективных эмоций.

Что касается отзывов респондентов о некомпетентности исследователей, одно из возможных объяснений такой реакции — это характер информации, представленной в опросе. Как отмечают Дж. Клебба и Л. Ангер [10], валентность информации связана с воспринимаемой достоверностью ее источника. Так, они обнаружили, что люди воспринимают источник информации как менее достоверный, если располагают негативной информацией, поступившей из него. В нашем случае негативность информации, поступившей из опросника, могла привести к воспринимаемой некомпетентности исследователей.

Наконец, последний психологический механизм, который мог лежать в основе некоторых реакций на

исследование, описан в теории социальной идентичности. Одной из стратегий поддержания позитивности социальной идентичности при угрозе положительному образу индигруппы является восприятие индигруппы как более гетерогенной [8]. То, что интервьюируемые часто говорили об ответственности руководства страны, но не народа, может быть примером использования такой стратегии.

Релевантность исследуемого конструкта.

Результаты проведенных нами глубинных интервью продемонстрировали, что конструкт коллективного стыда релевантен для изучения в российском контексте. Интервьюируемые соглашались с тем, что можно (а иногда даже нужно) стыдиться прошлого своей страны, спонтанно и по запросу интервьюера называли события, за которые им стыдно. Это акцентирование чувства стыда позволяет выдвинуть предположение о том, что и интервьюируемые, и респонденты, оставившие комментарии в Facebook, скорее воспринимают себя жертвами произошедших в стране событий, а не агрессорами (что подтверждается, в том числе, и дистанцированием от ответственности за произошедшее и возложением ее на руководство страны). Исследователи [7] отмечают, что чувство коллективного стыда в большей степени характерно для жертв и в меньшей степени — для агрессоров, которые чаще испытывают вину. Действительно, никто из интервьюируемых не согласился с тем, что за упомянутые исторические события можно испытывать вину.

На основании результатов качественного исследования и опыта, полученного при проведении изначального опроса, мы разработали лист самоконтроля для исследователей.

I. При переносе психологических конструктов и инструментария в новый культурный контекст, особенно в тех случаях, когда исследователь имеет дело с сензитивной темой, особое внимание следует уделить качественному этапу подготовки исследования, в ходе которого исследователь должен ответить на следующие вопросы.

А. Существует ли данный психологический конструкт в новой культурной среде?

Б. Имеет ли данный конструкт тот же смысл, что и в той культурной среде, в которой он появился?

В. Являются ли индикаторы данного конструкта, используемые в той среде, где конструкт появился, индикативными для этого конструкта в новой культурной среде?

Только после ответов на эти вопросы имеет смысл переходить на следующий этап планирования исследования. И в некоторых случаях разработка нового, культурно-специфичного, инструментария будет более подходящим выбором, чем адаптация существующего опросника.

II. При подготовке опроса⁴ следует учесть следующие моменты.

А. Обязательным является проведение когнитивных интервью с потенциальными респондентами с целью выявить, понятны ли для них инструкции и

⁴ Важно отметить, что все пункты блока II в нашем исследовании были учтены, что подчеркивает важность блока I.

формулировки вопросов, предлагают ли шкалы ответов адекватные их мнениям опции [17].

Б. При создании анкеты исследователям следует руководствоваться Этическим кодексом психолога [3].

Г. Исследователям следует оставлять свои контактные данные респондентам и предоставлять лю-

бую информацию об исследовании по запросу респондентов.

Мы искренне надеемся, что наш опыт поможет исследователям при использовании в рамках исследования нового инструментария в ранее неизученных культурных контекстах.

Финансирование

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект №14-36-01336 «Оценка исторического прошлого своей страны как предиктор установок по отношению к представителям аутгрупп»).

Благодарности

Авторы статьи выражают благодарность Ирине Мальцевой за помощь в проведении глубинных интервью, а также всем участникам дискуссии, оставившим комментарии в сети Facebook.

Funding

This work was supported by the Russian Foundation for Humanities, grant #14-36-01336.

Acknowledgements

The authors are grateful to Irina Maltseva for assistance in data collection.

Литература

1. Ефремова М.В., Григорян Л.К. Коллективные эмоции вины и стыда: обзор современных исследований // Современная зарубежная психология. 2014. Т. 3, № 4. С. 71–88.
2. Григорян Л.К., Ефремова М.В. Связь коллективных эмоций вины и стыда с установками к аутгруппам в российском контексте // Культурно-историческая психология. 2017. Т. 13, № 2. С. 61–70.
3. Российское психологическое общество. Этический кодекс психолога [Электронный ресурс]. 2012. URL: <http://xn--n1abc.xn--p1ai/rpo/documentation/ethics.php> (дата обращения: 26.12.2015).
4. Allpress J.A., Barlow F., Brown R., Louis W. Atoning for colonial injustices: Group-based shame and guilt motivate support for reparation // *International Journal of Conflict and Violence*. 2010. Vol. 4 (1). P. 75–88
5. Allpress J.A., Brown R., Giner-Sorolla R., Deonna J.A., Teroni F. Two Faces of Group-Based Shame: Moral Shame and Image Shame Differentially Predict Positive and Negative Orientations to Ingroup Wrongdoing // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2014. Vol. 40 (10). P. 1270–1284
6. Baker S.E., Edwards R. How many qualitative interviews is enough? [Электронный ресурс] // National Centre for Research Methods Review Paper. 2012. URL: <http://eprints.ncrm.ac.uk/2273/> (дата обращения: 17.05.2015).
7. Collective guilt: International perspectives / Ed. by N.R. Branscombe, B. Doosje. New York, NY: Cambridge University Press, 2004. 356 p.
8. Doosje B., Branscombe N., Spears R., Manstead A. Guilt by Association: When One's Group has a negative history // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1998. Vol. 75(4). P. 872–886
9. Iyer A., Schmader T., Lickel B. Why individuals protest the perceived transgressions of their country: The role of anger, shame and guilt // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2007. Vol. 33(4). P. 572–587.
10. Klebba J., Unger L.S. The Impact of Negative and Positive Information on Source Credibility in a Field Setting // *Advances in Consumer Research*. Vol. 10 / Ed. by R.P. Bagozzi, A.M. Tybout, A. Abor. Provo, UT: Association for Consumer Research, 1983. P. 11–16.

References

1. Efremova M.V., Grigoryan L.K. Kollektivnye emotsii viny i styda: obzor sovremennykh issledovaniy [The Collective Emotions of Guilt and Shame: a Review of Current Research]. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya [Journal of Modern Foreign Psychology]*, 2014, vol. 3, no. 4, pp. 71–88. (In Russ., abstr. in Engl.).
2. Grigoryan L.K., Efremova M.V. Svyaz' kollektivnykh emotsii viny i styda s ustanovkami k autgruppam v rossiiskom kontekste [Linking Group-Based Guilt And Shame And Outgroup Attitudes In The Russian Context]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya [Cultural-Historical Psychology]*, 2017, vol. 13, no. 2, pp. 61–70. (In Russ., abstr. in Engl.).
3. Rossiiskoe Psikhologicheskoe Obshchestvo. Eticheskii kodeks psikhologa. [Elektronnyi resurs] [The Russian Psychological Society. Ethical Code of Psychologist]. 2006. URL: <http://xn--n1abc.xn--p1ai/rpo/documentation/ethics.php> (Accessed 26.12.2015).
4. Allpress J.A., Barlow F., Brown R., Louis W. Atoning for colonial injustices: Group-based shame and guilt motivate support for reparation. *International Journal of Conflict and Violence*, 2010. Vol. 4 (1), pp. 75–88.
5. Allpress J.A., Brown R., Giner-Sorolla R., Deonna J.A., Teroni F. Two Faces of Group-Based Shame: Moral Shame and Image Shame Differentially Predict Positive and Negative Orientations to Ingroup Wrongdoing. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 2014. Vol. 40 (10), pp. 1270–1284. <http://dx.doi.org/10.1177/0146167214540724>
6. Baker S.E., Edwards R. How many qualitative interviews is enough? National Centre for Research Methods Review Paper. 2012. URL: <http://eprints.ncrm.ac.uk/2273/> (Accessed 17.05.2015).
7. Branscombe N.R., Doosje B. (eds.) Collective guilt: International perspectives. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 356 p. <http://dx.doi.org/10.1017/CBO9781139106931>
8. Doosje B., Branscombe N., Spears R., Manstead A. Guilty by Association: When One's Group has a negative history. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1998. Vol. 75 (4), pp. 872–886. <http://dx.doi.org/10.1037/0022-3514.75.4.872>
9. Iyer A., Schmader T., Lickel B. Why individuals protest the perceived transgressions of their country: The role

11. Legard R., Keegan J., Ward K. In-depth Interviews // *Qualitative Research Practice: A Guide for Social Science Students and Researchers* / Ed. by J. Ritchie, J. Lewis. Thousand Oaks, CA: SAGE, 2003. P. 138–169.
12. Lewis M. Self-conscious emotions: Embarrassment, pride, shame, and guilt // *Handbook of emotions* / Ed. by M. Lewis, J.M. Haviland. New York: Guilford Press, 1993. P. 563–573.
13. Pedersen A., Beven J., Griffiths B., Walker I. Attitudes toward Indigenous Australians: The role of empathy and guilt // *Journal of Community and Applied Social Psychology*. 2004. Vol. 14 (4). P. 233–249.
14. Rees J.H., Allpress J.A., Brown R. Nie wieder: Group-based emotions for ingroup wrongdoing affect attitudes toward unrelated minorities // *Political Psychology*. 2013. Vol. 34 (3). P. 387–407.
15. Steele S. White guilt. The content of our character // *A new vision of race in America* / Ed. by S. Steele. New York: Harper Collins, 1990. P. 77–92.
16. Van de Vijver F.J.R., Tanzer N.K. Bias and equivalence in cross-cultural assessment: An overview // *European Review of Applied Psychology*. 1997. Vol. 47(4). P. 263–280.
17. Willis G.B. Cognitive interviewing: A how to guide. 1999 [Электронный ресурс]. URL: <http://appliedresearch.cancer.gov/archive/cognitive/interview.pdf> дата обращения: 17.05.2015).
18. Zylicz P., Poleszak L. Naturalistic conception of collective guilt // *Humboldt Journal of Social Relations*. 2005. Vol. 29 (2). P. 185–206.
- of anger, shame and guilt. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 2007. Vol. 33 (4), pp. 572–587. <http://dx.doi.org/10.1177/0146167206297402>
10. Klebba J., Unger L.S. The Impact of Negative and Positive Information on Source Credibility in a Field Setting. In Bagozzi R.P., Tybout A.M., Abor A. (eds) *Advances in Consumer Research*. Vol. 10. Provo, UT: Association for Consumer Research, 1983, pp. 11–16.
11. Legard R., Keegan J., Ward K. In-depth Interviews. In Ritchie J., Lewis J. (eds.) *Qualitative Research Practice: A Guide for Social Science Students and Researchers*. Thousand Oaks, CA: SAGE, 2003, pp. 138–169.
12. Lewis M. Self-conscious emotions: Embarrassment, pride, shame, and guilt. In Lewis M., Haviland J.M. (eds.) *Handbook of emotions*. New York: Guilford Press, 1993, pp. 563–573.
13. Pedersen A., Beven J., Griffiths B., Walker I. Attitudes toward Indigenous Australians: The role of empathy and guilt. *Journal of Community and Applied Social Psychology*, 2004. Vol. 14 (4), pp. 233–249. <http://dx.doi.org/10.1002/casp.771>
14. Rees J.H., Allpress J.A., Brown R. Nie wieder: Group-based emotions for ingroup wrongdoing affect attitudes toward unrelated minorities. *Political Psychology*, 2013. Vol. 34 (3), pp. 387–407. <http://dx.doi.org/10.1111/pops.12003>
15. Steele S. White guilt. The content of our character. In Steele S. (ed.) *A new vision of race in America*. New York: Harper Collins, 1990, pp. 77–92.
16. Van de Vijver F.J.R., Tanzer N.K. Bias and equivalence in cross-cultural assessment: An overview. *European Review of Applied Psychology*, 1997. Vol. 47 (4), pp. 263–280. <http://dx.doi.org/10.1016/j.erap.2003.12.004>
17. Willis G.B. Cognitive interviewing: A how to guide. 1999. URL: <http://appliedresearch.cancer.gov/archive/cognitive/interview.pdf> (Accessed 17.05.2015).
18. Zylicz P., Poleszak L. Naturalistic conception of collective guilt. *Humboldt Journal of Social Relations*, 2005. Vol. 29 (2), pp. 185–206.